

Поэтому я считаю, что самая конкретная форма права есть право на ноосферу. Свободная воля человека осуществима лишь тогда, когда она совпадает с Божественной Волей. Гениальная подсказка о сути этой Космической Воли содержится в учении П. Тейяра де Шардена о природной эволюции как о направленном восхождении сознания от точки «альфа» до точки «омега» (ноосферы), в котором важнейшая роль принадлежит феномену человека.

Сумарокова Л. Н.

*Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
доцент кафедры философии, кандидат философских наук, доцент*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ В КОНТЕКСТЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

Термин «юридическая логика» употребляется здесь в смысле: «область знания, сформировавшаяся в результате взаимодействия логики и юриспруденции (вариант практической логики)». Понятием будем называть устойчивое единство термина (знака) и его смыслового, предметного и прагматического значений. Системообразующим в этом единстве является смысловое значение, включающее в себя комплекс общих, существенных признаков; производным от смыслового является предметное значение, то есть класс предметов, этими признаками обладающих. Прагматическое значение связано с указанием целей, задач, ситуаций, от которых зависит способ употребления понятия, в том числе способ его введения, уточнения, понимания. Сущность определения состоит в уточнении понятия как целостности, включающей указанные выше компоненты. Определение является полным, если оно раскрывает и смысловое, и предметное, и прагматическое значения термина, а также их взаимосвязь. Частичное определение имеет место тогда, когда уточняется лишь некоторая часть перечисленных компонентов. Обычное понимание определения как логической операции, уточняющей содержание понятия, будем называть собственно определением или главным видом частичных определений. В качестве других примеров частичного определения можно назвать остенсивные определения, которые раскрывают (задают) предметное значение термина, а также номинальные определения, уточняющие исходный языковой смысл термина; этот языковой смысл может иметь прямое или косвенное отношение к предметному, смысловому или прагматическому значению термина как знака понятия. Функцией быть знаком понятия обладают далеко не все слова. Для нас существенно отметить, что определение возможно лишь там, где есть понятия. Уточнение смысла слов естественного языка, не являющихся терминами, обозначающими понятие, к определению не относится.

Главным тезисом предлагаемого выступления является утверждение о том, что взаимодействие логики и юриспруденции даже в таком частном вопросе как определение понятия, не только фактически имеет место, но и оказывается весьма полезным и перспективным для обеих взаимодействующих сфер.

Начнем с вопроса о статусе определения в логике и юриспруденции. Многие современные логики спорят, входит ли вообще рассмотрение определения в современную логику или это некая «посторонняя», не собственно логическая проблема, скорее относящаяся к общей методологии познания. Например, в учебнике Е. К. Войшвилло и М. Г. Дегтярева «Логика» (М.: Владос, 2001, с. 248–249) определение относится к «приемам познания», и состоит в установлении или уточнении связи языкового выражения с тем, что оно обозначает как знак языка. «Это не операция с понятиями, а операция со словами, с выражениями языка». Главный аргумент: определение – это не формализованная процедура. Однако одних операций со словами явно недостаточно в наиболее сложных познавательных и коммуникативных ситуациях, особенно характерных для специализированных видов общения, где полнота, точность, прозрачность формулировок чрезвычайно важна. Юриспруденция принадлежит к таким сферам. Вот почему юристы могут быть более точными и ответственными в своих определениях, чем логики при изложении теории определений. Например, в юриспруденции часто употребляются оstenсивные определения: скажем, понятия «наследники первой очереди», «уполномоченное лицо» и т. п. определяются путем простого полного перечня всех тех категорий лиц, которые составляют предметное значение (объем) данного понятия. Перечень этот, как правило, удовлетворяет всем правилам определения. Для сравнения: в учебниках логики не редкость примеры оstenсивных определений вида «это – верблюд». А между тем эта формулировка – вообще не определение, а прием, его заменяющий – указание. И правила определения здесь не соблюдены.

Определение – это всегда способ представления непрерывного, сложно устроенного смыслового поля через «кванты» мысли – понятия; именно определения конструктивно помогают установить структуру соответствующей области мышления. Определение – это особая разновидность формализации, что подтверждается тем, что здесь осуществляется необходимая функция любой формализации – репрезентация целого с помощью его четко выделенной и зафиксированной части.

Отметим, что в юриспруденции раньше, чем в логике, осознана необходимость уточнения прагматического аспекта определений и, в частности, учитывается важность принятия юридическим социумом наиболее важных определений. Именно на основании анализа юридических практик было предложено выделить новый вид определений – арбитражных определений (Титов В. Д. О специфике определений в юриспруденции // Логико-философские штудии. – Выпуск 3. – С-Пб, 2005. – С. 205).

В качестве перспективы дальнейших исследований в юридической логике можно указать на необходимость разработки более четкой и полной классификации видов определений – как полных, так и частичных – с учетом всех компонентов понятия: и термина-знака понятия, и всех трех указанных видов его значения. В частности, собственно определения могут быть разделены на целый ряд вариантов по типу существенных признаков, в них зафиксированных. Полное определение в виде одного высказывания-равенства построить вряд ли возможно. Скорее всего, это будет мини-текст, система высказываний. Весьма продуктивной была бы разработка структуры подобных мини-текстов.